

Когда Цзян Ваньинь пришел в себя, его уши наполнились звуками материнских упреков, адресованных отцу. Заметив, что ребенок проснулся, супруги тут же умолкли и, подойдя к постели, принялись заботливо расспрашивать его о самочувствии.

— Матушка, — голос Цзян Ваньиня звучал холодно, — просто позвольте отцу спокойно заняться поисками. Из-за того, что он постоянно оглядывается на ваши чувства, он берет с собой слишком мало людей. Так мы будем искать до окончания времен... Я очень устал, очень устал, мне нужно отдохнуть.

Сказав это, он отвернулся к стене. Цзян Ваньинь не смел произнести ни слова больше, боясь, что они услышат в его голосе рыдания.

Внутри Пространства в горчичном зерне Ваньинь, тихо всхлипывая, пытался бережно собрать воедино рассеянную душу У-ю. Но стоило ему прикоснуться к ней, как она, подобно песку, вновь рассыпалась. Он продолжал свои попытки — снова и снова, без конца и края...

А снаружи Цзян Чэн, не евший и не пивший, застыл, уставившись в одну точку, с потухшим взглядом.

Госпожа Юй, видя такое состояние сына, разрывалась между жалостью и гневом. Ей было больно видеть, как ее ребенок страдает от этого бедствия, и она ненавидела мужа за то, что тот упорно не замечал столь выдающегося сына, каждый день одержимый поисками чужого ребенка.

Однако после слов Цзян Ваньиня Цзян Фэнмянь все же бросил значительные силы клана Юньмэн Цзян на поиски, а сам, перестав лично участвовать в вылазках, ушел в уединение. Никто не знал, чем он там занимался. А Цзян Яньли, узнав о переменах в доме, поспешно вернулась из Мэйшаня, где гостила у родственников.

Цзян Ваньинь отказывался от любой еды, но соглашался съесть немного супа из корня лотоса с ребрышками, приготовленного старшей сестрой, когда та уговаривала его ласковым шепотом.

Время летело быстро, и вот прошло уже пять месяцев.

Внутри Пространства в горчичном зерне душевное состояние Ваньиня становилось все более нестабильным. Бесконечные попытки собрать душу, за которыми следовало ее неизбежное рассеивание, подвели его к самому краю нервного срыва.

Но однажды, как обычно пытаясь соединить частицы души, Ваньинь вдруг понял, что они поддаются! В его глазах вспыхнул радостный блеск, и он невольно ускорился.

Оказалось, что Цзян Фэнмянь, не зная сна и отдыха, с темными кругами под глазами все это время изготавливал для Цзян Чэна личный Колокольчик очищения сердца. Он повязал его на

пояс сына.

Обычно адепты клана Юньмэн Цзян получали такой колокольчик лишь к десяти годам — если были внутренними учениками, или к пятнадцати — если внешними. Но Цзян Фэнмянь насильно сократил пятилетний срок изготовления до пяти месяцев. Каких усилий это стоило, знал только он сам.

Когда Юй Цзыюань увидела, что лицо ребенка, надевшего колокольчик, постепенно розовеет и он даже начал изредка поднимать на нее глаза, она решила, что все остальное может подождать. И когда Цзян Фэнмянь, получив очередную весть, вновь собрался в путь, Юй Цзыюань не проронила ни слова упрека.

Прошел еще месяц, и Цзян Фэнмянь вернулся, неся на руках Вэй Усяня. Когда брат и сестра из клана Цзян выбежали навстречу, они увидели Вэй Усяня в лохмотьях, истощенного до костей.

Он испуганно прятался в объятиях высокого Цзян Фэнмяня, казавшись еще крошечнее, чем был, и при виде этого сердце сжималось от жалости. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, сколько страданий выпало на его долю за этот год.

Юй Цзыюань, глядя на мужа с Вэй Усянем и на детей, застывших перед отцом, не выдержала:

— Раз уж нашли, чего стоите? Быстрее входите в дом. Не позорьтесь на пороге.

Цзян Яньли тихо прошептала Цзян Чэну:

— Хотя матушка и выглядит грозно, она уже подготовила для А-Сяня новую одежду, воду для купания и еду...

Цзян Ваньинь, чье состояние за последние два дня улучшилось благодаря тому, что душа У-ю начала собираться, почувствовал, как к нему возвращаются силы. Он даже начал дышать ровнее и, невольно улыбнувшись, согласно кивнул.

Увы, радость Ваньиня всегда была недолгой.

— С какой стати вы отослали моих Фэйфэй, Моли и Сяо Ая? — возмутился Цзян Ваньинь. — Только потому, что он пришел, нужно выгнать моих питомцев? С какой стати? Он еще и хочет жить в моей комнате? Ни за что!

Ваньинь смотрел на лежащую рядом в Пространстве в горчичном зерне У-ю, и гнев не давал ему покоя:

— У-ю так любила гладить их по головам. Если она проснется и увидит, что всех троих нет, как

же она расстроится! Как же я зол! Все из-за Вэй Усяня. У-ю впала в беспамятство, потому что пошла искать его. Теперь она не может погладить своих любимцев — это тоже его вина, все из-за него...

Все больше распаляясь, Цзян Ваньинь не пустил Вэй Усяня, пришедшего на ночь глядя, в комнату.

Вэй Усянь стучал маленькими ладошками в дверь:

— Шиди, шиди,пусти меня, пожалуйста.

Цзян Ваньинь сидел на корточках у двери изнутри:

— Какой я тебе шиди? Уходи! Это моя комната, ты и ее хочешь у меня отобрать?

— Я ничего не отбираю, — ответил Вэй Усянь. — Дядя Цзян велел мне жить с тобой.

— Уходи! Если еще раз увижу тебя, натравлю на тебя стаю собак!

Вэй Усянь испуганно всхлипнул:

— Я уйду, я уйду, только не зови собак.

Он побрел прочь, понуро опустив голову. Цзян Ваньинь подождал немного, и когда за дверью воцарилась тишина, его начало грызть чувство вины.

— Не слишком ли я суров? Он убежал в такую темень, вдруг с ним что-то случится? Что же мне делать? У-ю, проснись, научи меня, как быть...

Раньше У-ю всегда подсказывала ему, как поступить. Походив по комнате, Ваньинь не решился идти к отцу или матери и в итоге решил обратиться к сестре. Выслушав его, Цзян Яньли велела брату ждать в комнате, а сама взяла фонарь и отправилась на поиски Вэй Усяня.

Цзян Ваньинь ждал, с каждой минутой все больше тревожась, и в конце концов решил выйти сам.

Цзян Яньли всю дорогу звала А-Сяня, но никто не откликался. Наконец, дойдя до дерева, она увидела под ним маленькую туфельку — явно Вэй Усяня. Поняв, что мальчик нарочно молчит, она мягко произнесла:

— Туфельки жмут? Ты их потерял?

Сверху раздался слабый голос Вэй Усяня:

— Нет, они впору.

Цзян Яньли тихо рассмеялась. Она уговорила Вэй Усяня спуститься, взвалила его на спину и уже собиралась идти обратно, как вдруг услышала плач.

У-ю, находившаяся в Пространстве в горчичном зерне, очнулась, услышав рыдания Ванъиня. Она принялась утешать перепуганного и беспомощного мальчика, а потом коснулась шишки у себя на голове — ужасно болело.

В этот момент на них упал луч света: это были Вэй Усянь и Цзян Яньли. Вместе они вытащили Цзян Чэна из ямы.

Трое детей — шести, семи и десяти лет — шли по дороге, болтая и смеясь. Цзян Чэн пообещал, что в будущем будет отгонять от Вэй Усяня всех собак.

Позже У-ю спросила Ванъиня:

— Почему ты так невзлюбил Вэй Усяня? Ведь раньше ты так хорошо к нему относился...

— Потому что из-за него отправили прочь трех моих любимых собак, — ответил Ванъинь. — Я сержусь на него, но не ненавижу.

У-ю, услышав это, приложила руку ко лбу и с улыбкой покачала головой:

— А я-то думала, что это ты любишь собак.

Она склонила голову, приблизилась к лицу Ванъиня и, ущипнув его за пухлые щеки, прошептала:

— Больше всего на свете я люблю вовсе не собак, а тебя.

Этот разговор помог Ванъиню отбросить все обиды на Вэй Усяня.

<http://bllate.org/book/21513/2206487>